Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-29-32

БОНДАРУК Ирина Андреевна,
научный сотрудник научно-исследовательского отдела,
ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ДОПРОСЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются направления применения технологий искусственного интеллекта при производстве допроса подозреваемого – от анализа невербального поведения и голоса до подготовки следователя к допросу с помощью языковых моделей. Отдельное внимание уделено правовым ограничениям использования таких систем: допустимости их результатов в качестве доказательств, соотношению с правом не свидетельствовать против себя и зарубежному опыту регулирования, в частности положениям Регламента ЕС об искусственном интеллекте. Показано, что при существующем уровне развития технологии способны выполнять только вспомогательную функцию, а их прямое использование как основания процессуальных решений создает риски необоснованного обвинения и нарушения прав допрашиваемого. Сформулированы предложения по определению правового статуса подобных систем в уголовном судопроизводстве.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, допрос, следственные действия, детекция лжи, распознавание эмоций, криминалистика, уголовный процесс, доказательства, права личности.*

BONDARUK Irina Andreevna,
Researcher, Research Department, Federal State Educational Institution of Higher Education "Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE INTERROGATION OF A SUSPECT: TECHNOLOGICAL CAPABILITIES AND LEGAL LIMITS OF APPLICATION

Annotation. *The article examines the areas of application of artificial intelligence technologies in the interrogation of a suspect - from analyzing non-verbal behavior and voice to preparing an investigator for interrogation using language models. Special attention is paid to the legal restrictions on the use of such systems: the admissibility of their results as evidence, the relationship with the right not to incriminate oneself and foreign experience in regulation, in particular the provisions of the EU Regulation on artificial intelligence. It has been shown that, given the current level of development, technologies are capable of performing only an auxiliary function, and their direct use as the basis for procedural decisions creates risks of unjustified accusation and violation of the rights of the interrogated. Proposals have been formulated to determine the legal status of such systems in criminal proceedings.*

Key words: *artificial intelligence, interrogation, investigative actions, lie detection, emotion recognition, forensics, criminal process, evidence, individual rights.*

Правоохранительные органы разных стран уже несколько лет используют системы искусственного интеллекта не только для розыска и учета преступлений, но и для решения задач, ранее считавшихся исключительно прерогативой следователя или оперативного сотрудника. В мае 2025 года специалисты Китайской академии наук представили модель Diffface, восстанавливающую изображение лица человека по образцу ДНК, обнаруженному на месте происшествия, что позволяет сузить круг подозреваемых ещё до начала допроса [7]. В Казахстане система видеоаналитики «Таргет-AI» за короткий период эксплуатации помогла пресечь более 1200 правонарушений и раскрыть два уголовных дела, устанавливая личность подозреваемого по камерам наблюдения [8]. Отдельно развивается направление, напрямую затрагивающее тактику допроса: программные комплексы для анализа голоса и мимики, заявленные производителями как средство обнаружения лжи.

При этом нормативное регулирование применения таких средств в российском уголовном процессе фактически отсутствует. Уголовно-

процессуальный кодекс РФ допускает использование технических средств при допросе (ст. 189 УПК РФ), но не содержит специальных норм о системах искусственного интеллекта, их сертификации и статусе получаемых с их помощью сведений. Отставание правового регулирования от темпов внедрения технологии ставит перед юридической наукой задачу заранее очертить границы допустимого использования подобных систем – до того, как практика столкнется с массовыми случаями оспаривания доказательств, полученных таким путем.

Наиболее обсуждаемое направление – автоматическое распознавание признаков обмана по мимике, голосу и письменной речи допрашиваемого. Обзор научных работ показал, что среди алгоритмов машинного обучения именно сверточные нейронные сети (CNN) дают лучшие результаты в задаче распознавания обмана по сравнению как с классическим полиграфом, так и с оценкой поведения человеком-экспертом [4]. Модели такого рода анализируют не только устную речь, но и рукописный текст показаний, извлекая лингвистические и вербальные признаки, которые сложно заметить без специальной подготовки.

Практическое применение подобных систем уже вышло за пределы лабораторных исследований. Израильская компания Nemesysco поставляет программное обеспечение для голосового анализа, которое, по данным разработчика, используется полицейскими управлениями Нью-Йорка и рядом шерифских служб Среднего Запада США непосредственно при допросах подозреваемых [5, 6]. Формально такие системы работают по той же логике, что и традиционный полиграф: физиологическая или речевая реакция интерпретируется как коррелят психического состояния допрашиваемого.

Второе направление связано не с оценкой правдивости показаний, а с организационной поддержкой самого допроса. Языковые модели способны в реальном времени транскрибировать допрос, сопоставлять текущие показания с ранее зафиксированными и указывать следователю на содержательные противоречия, требующие уточняющих вопросов. Такая функция ближе к работе помощника, готовящего материал для анализа, чем к самостоятельному инструменту получения доказательств, и потому вызывает меньше правовых возражений, чем распознавание эмоций [12].

К этой же группе можно отнести системы автоматизированного формирования протокола и предварительного построения версий на основе больших массивов материалов дела – направление, которое, по оценке исследователей, обладает существенным потенциалом для повышения эффективности работы органов предварительного расследования в целом, а не только применительно к отдельному следственному действию [3].

Отдельно стоит группа технологий, которые формально не относятся к тактике самого допроса, но напрямую определяют, кто именно окажется в статусе допрашиваемого. Речь идет о распознавании лиц по камерам наблюдения, сопоставлении отпечатков и, как в случае с Diffface, реконструкции внешности по ДНК [7, 8]. С точки зрения уголовного процесса доказательства, полученные с использованием таких систем, например результат сравнения записи камеры с места происшествия с фотографией подозреваемого, признаются равноценными иным доказательствам, собранным по делу [4].

Ключевая проблема связана с процессуальным статусом заключения, полученного при помощи системы искусственного интеллекта. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа в российской практике оформляется как экспертное заключение и может быть приобщена к материалам уголовного дела наряду с другими доказательствами [9]. По аналогичной логике могла бы рассматриваться и экспертиза с использованием ИИ-анализа голоса или мимики. Однако достоверность таких результатов, как и в случае полиграфа, зависит от компетенции специалиста, личности допрашиваемого и типа поставленных вопросов, а риск ложноотрицательного и ложноположительного результата сохраняется независимо от того, интерпретирует сигнал человек или алгоритм [9].

Более того, для систем на основе машинного обучения этот риск усиливается непрозрачностью самого алгоритма: следователь и суд получают итоговую оценку без возможности проверить, на каких именно признаках она основана, что затрудняет ее оспаривание защитой и оценку судом по правилам ст. 74 и 88 УПК РФ.

Статья 51 Конституции РФ [2] и корреспондирующие нормы УПК РФ закрепляют право не давать показания против себя [1]. Применение технических средств контроля психофизиологического состояния традиционно допускается только с согласия допрашиваемого – принудительное подключение подозреваемого к полиграфу или аналогичной системе не допускается. Это ограничение в полной мере распространяется и на системы искусственного интеллекта: их использование не должно подменять собой добровольность дачи показаний и не может становиться формой психологического давления, даже если формально сохраняется процедура получения согласия.

Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте (Regulation (EU) 2024/1689), вступивший в силу в 2024 году, прямо запрещает удаленную биометрическую идентификацию в

реальном времени в общественных местах для целей правоохранительной деятельности, оставляя лишь узкий перечень исключений, связанных с розыском жертв, предотвращением конкретной угрозы жизни или расследованием тяжких преступлений при строгой судебной санкции [10, 11]. Системы распознавания эмоций отнесены Регламентом к высокорисковым, а их применение в ряде контекстов, включая миграционный и пограничный контроль, требует дополнительной оценки соответствия и прозрачности [10]. Такой подход исходит из того, что научная надёжность распознавания эмоций остаётся ограниченной, а его результаты подвержены культурным и индивидуальным различиям в выражении эмоций, что способно приводить к дискриминационным последствиям [10].

Российское законодательство подобных специальных ограничений пока не содержит, что делает зарубежный опыт полезным ориентиром: он показывает, что регулирование должно затрагивать не только сам факт применения технологии, но и ее техническую надёжность, порядок сертификации и право лица знать, что в отношении него применяется система автоматизированного анализа.

Отдельного внимания заслуживает вывод о том, что главным препятствием для внедрения ИИ-полиграфов остаются культурные и гендерные различия в проявлении эмоций и речевых реакций, которые алгоритм не всегда способен корректно учитывать [4]. Опытный человек, пытающийся ввести систему в заблуждение, и человек, испытывающий естественную тревогу от самой ситуации допроса, могут получить схожую оценку алгоритма, что подтверждается и более ранними наблюдениями о ненадежности классического полиграфа: многие невиновные нервничают на допросе, тогда как опытные лжецы способны подавлять или имитировать физиологические реакции [6]. Перенос этой проблемы в область машинного обучения не устраняет ее, а лишь придает результату видимость объективности.

Из изложенного следует несколько практических предложений. Во-первых, целесообразно закрепить в УПК РФ статус заключения, полученного с использованием систем искусственного интеллекта, как одного из доказательств среди прочих, не имеющего заранее установленной силы и подлежащего оценке в совокупности с остальными материалами дела – по аналогии с существующим подходом к полиграфу. Во-вторых, следует установить обязательную сертификацию таких систем и требование о раскрытии стороне защиты методики их работы в объеме, достаточном для содержательного оспаривания результата. В-третьих, применение систем распознавания эмоций и детекции лжи должно оставаться строго добровольным и не может использоваться как самостоятельное основание для предъявления обвинения без подтверждения иными доказательствами. Наконец, направления, связанные не с оценкой правдивости, а с организационной поддержкой следователя – транскрибирование, сопоставление показаний, формирование протокола, – можно развивать значительно свободнее, поскольку они не создают того же риска подмены процессуальных гарантий.

Технологии искусственного интеллекта уже применяются в правоохранительной деятельности разных стран на этапах, предшествующих допросу и сопровождающих его: от восстановления внешности по ДНК и распознавания лиц по камерам до анализа голоса и мимики допрашиваемого. Наибольший практический потенциал на нынешнем этапе имеют инструменты организационной поддержки следователя, тогда как системы детекции лжи и распознавания эмоций сохраняют те же принципиальные ограничения, что и классический полиграф, усиленные непрозрачностью алгоритма и риском культурной предвзятости. Правовое регулирование должно исходить из вспомогательного характера подобных систем: их результаты могут дополнять доказательственную базу, но не заменять оценку следователя и суда, а применение – оставаться добровольным и не создавать новых форм давления на допрашиваемого.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями). Ст. 51.

[3] Искусственный интеллект как криминалистический инструмент [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-kriminalisticheskiy-instrument (дата обращения: 19.07.2026).

[4] Обзор ML для детекции лжи: сверточные нейросети лидируют, но внедрению ИИ-полиграфов помешают культурные и гендерные различия [Электронный ресурс] // Наука.mail.ru. URL: https://science.mail.ru/articles/4486-uchyonye-oae-nejroseti-raspoznayut-lozh-luchshe-tradicionnyh-metodov/ (дата обращения: 19.07.2026).

[5] Болвачев М. Предугадать поведение маньяка и вычислить дипфейк: как ИИ меняет работу следователей [Электронный ресурс] // Право.ру. URL: https://pravo.ru/story/254219/ (дата обращения: 19.07.2026).

[6] Попытка использовать ИИ в детекторе лжи лишь усугубляет проблему распознавания обмана [Электронный ресурс] // Habr. URL: https://habr.com/ru/articles/496496/ (дата обращения: 19.07.2026).

[7] Искусственный интеллект в криминалистике [Электронный ресурс] // TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru (дата обращения: 19.07.2026).

[8] Как искусственный интеллект помогает полиции раскрывать преступления [Электронный ресурс] // BAQ.kz. 30.08.2025. URL: https://rus.baq.kz/kak-iskusstvennyy-intellekt-pomogaet-politsii-raskryvat-prestupleniya_300021181/ (дата обращения: 19.07.2026).

[9] Детектор лжи: правовые аспекты использования [Электронный ресурс] // Экспертный совет. URL: https://www.expertsud.ru/content/view/273/36/ (дата обращения: 19.07.2026).

[10] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union, 12.07.2024.

[11] AI Act [Electronic resource] // European Commission: Shaping Europe's digital future. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai (дата обращения: 19.07.2026).

[12] Волчецкая Т.С., Лавриненко А.А. Ситуационный подход в повышении эффективности допроса подозреваемых и обвиняемых по делам о ятрогенных преступлениях // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 4. С. 3–10.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

[2] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, as amended). Art. 51.

[3] Artificial intelligence as a forensic tool [Electronic resource] // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-kriminalisticheskiy-instrument (дата обращения: 19.07.2026).

[4] ML review for lie detection: convolutional neural networks are leading, but cultural and gender differences will prevent the introduction of AI polygraphs [Electronic Resource] // Наука.mail.ru. URL: https://science.mail.ru/articles/4486-uchyonye-oae-nejroseti-raspoznayut-lozh-luchshe-tradicionnyh-metodov/ (дата обращения: 19.07.2026).

[5] Bolvachev M. Predict the behavior of a maniac and calculate deepfake: how AI changes the work of investigators [Electronic resource] // Право.ру. URL: https://pravo.ru/story/254219/ (access date: 19.07.2026).

[6] An attempt to use AI in a lie detector only exacerbates the problem of recognizing deception [Electronic Resource] // Habr. URL: https://habr.com/ru/articles/496496/ (access date: 19.07.2026).

[7] Artificial Intelligence in Forensics [Electronic Resource] // TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru (access date: 19.07.2026).

[8] How artificial intelligence helps police solve crimes [Electronic resource] // BAQ.kz. 30.08.2025. URL: https://rus.baq.kz/kak-iskusstvennyy-intellekt-pomogaet-politsii-raskryvat-prestupleniya_300021181/ (дата обращения: 19.07.2026).

[9] Lie detector: legal aspects of using [Electronic resource] // Expert council. URL: https://www.expertsud.ru/content/view/273/36/ (access date: 19.07.2026).

[10] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union, 12.07.2024.

[11] AI Act [Electronic resource] // European Commission: Shaping Europe's digital future. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai (дата обращения: 19.07.2026).

[12] Volchetskaya T.S., Lavrinenko A.A. Situational approach in improving the effectiveness of interrogation of suspects and accused in cases of iatrogenic crimes // Izvestia Tula State University. Economic and legal sciences. 2022. № 4. S. 3-10.